

DOI 10.15393/j10.art.2015.2502

Владимир Александрович Викторovich

*доктор филологических наук,
профессор Государственного
социально-гуманитарного университета
(Коломна, Российская Федерация)*

VA_Viktorovich@mail.ru

ДОСТОЕВСКИЙ. КОЛЛЕКТИВНОЕ «Гражданин» как творчество редактора*

Аннотация. Ф. М. Достоевский как редактор еженедельника «Гражданин» (январь 1873 — апрель 1874) критически вмешивался в тексты своих сотрудников. Рассматриваются две статьи В. Ф. Пуцковича — о ночлежном приюте и о журнальной этике — в номере от 3 сентября 1873 года и делается попытка установить параметры участия в них Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, редактор, еженедельник «Гражданин», благотворительность, критика, антикритика, проблемы атрибуции

Н. Н. Страхов в своих воспоминаниях обратил внимание на одно любопытное обстоятельство: «Читатели, которые вздумают перечесть “Гражданин” за этот год <1873>, тотчас увидят, как много старания и труда положено было на журнал его редактором. Заботливость была величайшая»¹. О том же, уточняя, какого рода, в частности, была редакторская заботливость Достоевского, свидетельствует жена писателя: «Федор Михайлович чрезвычайно добросовестно относился к своим редакторским обязанностям и не только сам прочитывал все присылавшиеся в журнал статьи, но некоторые, неумело написанные, вроде статей самого издателя, исправлял, и на это у него уходила масса времени. У меня сохранилось два-три черновика стихотворений, неуклюже написанных, но в которых были

видны блестящие таланты, и какими изящными выходили эти стихотворения после исправления их Федором Михайловичем»².

Письма Достоевского — важнейшее свидетельство о характере его редакторской работы:

26 февраля М. П. Погодину: «Перечитывать статьи берет огромное время <...> Затем, имея статью и решив напечатать, — переправлять ее с начала до конца, что зачастую приходится. Литературные сценки Генслера (в сегодняшнем №) я почти вновь пересочинил»³.

20 июля жене: «Приехав <из Старой Руссы>, всё по обыкновению застал в беспорядке. <...> Вчера всю ночь, не спавши, сидел за корректурой (стоящей сочинения) и сегодня и завтра буду» (29₁; 280).

26 июля: «Дел у меня бездна — бездна! Этот раз целый № прокорректировать *по-редакторски*, то есть переправляя. Это ужасная работа» (29₁; 285).

29 июля: «Сутки, не разгибая шеи, сидел и переправлял <статью В. П. Мещерского>, живого места не оставил» (29₁; 285).

15 августа: «Теперь середка вечером, и я до субботы буду, не разгибая шеи, сидеть. Так сошлось, что на этот № вся корректура (редакторская) моя...» (29₁; 292).

19 августа: «...ужасно занят работой, всё больше чужие работы переделываю, редактирую, просто как каторжный» (29₁; 293).

5 сентября Д. Д. Кишенскому: «Я в моих письмах писал обнаженно и откровенно о том, что надо исправить. <...> Я переделал в прологе мелочи и очень мало. Я укоротил одно постороннее рассуждение <...> и изменил на каплю сцену на коленях <...> Мало того, везде, где мог, делал язык легче и разговорнее. Вы пишете, что я *Вас искажил*. Призовем экспертов по два с обеих сторон и пусть решат: *искажил ли я Вас?*» (29₁; 301).

16 сентября метранпажу М. А. Александрову: «Я поправлял по князевой же <В. П. Мещерского> корректуре» (29₁; 303).

1—3 ноября В. П. Мещерскому: «Любезнейший князь, Ваш ответ “С<анкт>-Петербургским> ведомостям” очень мило и дельно написан, но резок, заносчив <...> тон не тот. <...> посылаю Вам мой ответ. Тут включено кой-что из Вашего» (29₁; 306).

12 ноября М. П. Погодину: «...я составляю №, читаю статьи, переделываю их и изредка пишу сам — вот моя работа» (29₁; 308).

«Гражданин» времени редакторства Достоевского (январь 1873 — апрель 1874) стоит в целом рассматривать как специфическое **авторское произведение**: это не только направляющие статьи, примечания и реплики самого редактора («От редактора исходит единство и целостность журнала» — 20; 123),

но и прямое вмешательство в тексты сотрудников и авторов («передыктовать!»). По свидетельству метранпажа, это вмешательство со временем не только не уменьшилось (и редакторы устают), но даже еще более увеличилось⁴. От него были избавлены, пожалуй, только К. П. Победоносцев и Н. Н. Страхов. С Т. И. Филипповым некоторые принципиальные статьи писались коллегиально (см.: [3]). Иной, более изощренный вид соавторства представляет редакционное общение Достоевского со старым приятелем А. У. Порецким (о чем мне уже приходилось писать (см.: [2]) и с молодыми сотрудниками Е. А. Беловым, Вс. С. Соловьевым: редактор задает темы авторам («наводит их на мысль писать о том, что надо журналу» — 20; 123), а затем «проходит рукой мастера» по представленному тексту. Такой метод Достоевский разрабатывал еще в редакционном кружке «Отечественных записок» сороковых годов, а затем «Времени» и «Эпохи» шестидесятых [14, 250]. Его редакторская активность была иного рода, нежели у самых известных коллег — Н. А. Некрасова, А. А. Краевского, М. М. Стасюлевича, А. С. Суворина, а в чем-то даже напоминала агрессивный стиль О. И. Сенковского. Авторский «след» Достоевского мы находим на многих и многих страницах «Гражданина», не подписанных его именем (если не считать подписи редактора на последней странице еженедельника). Проблема атрибуции в ее традиционной безальтернативности оказывается безнадежно неразрешимой, однако остаются *предположения*, более или менее убедительные. Представим одно из возможных.

Речь пойдет о сотрудничестве Достоевского с секретарем редакции В. Ф. Пуцыковичем (1843—1920), юристом по образованию и тогда еще начинающим журналистом. Он, в основном, составлял компиляции на юридические темы, вел также компилятивную «Еженедельную хронику». Пуцыковича как журналиста и тогда и потом отличала прямолинейность, отсутствие тонкости, такта: «...это человек не худого сердца и не глупый, но у него *внутреннего* ума нет, царя в голове» (30; 77), — нелицеприятно характеризовал его Достоевский, но всё же прибавлял: «Этот Пуцыкович мне жалок, и я его несколько люблю» (30; 69). Писатель так терпеливо и усердно возился со своим незадачливым спутником, что однажды тот даже не выдержал: «...для меня психической загадкой: как *такой человек*, всегда насквозь видящий *даже самые загадочные души*, мог столько делать для *такого человечка*... столь несовершенного... каковым я всегда в глубине души считал себя...»⁵.

При редактировании статей Пуцыковича, когда дело касалось серьезных юридических вопросов, Достоевский прибегал к помощи К. П. Победоносцева, как, например, в эпизоде, уже описанном нами⁶.

В конце лета 1873 года, если верить редактору, в «Гражданине» сложилась критическая ситуация: «все-то сотрудники манкировали, и я один вертись за всех» (29; 290). Следовало заполнять страницы еженедельника качественным оперативным материалом, а «под рукой» был только В. Ф. Пуцыкович

(как секретарь редакции он получал ежемесячно 50 рублей, не считая гонорара). Так, состав принадлежащих ему материалов в № 36 «Гражданина» от 3 сентября 1873 года можно установить, основываясь на гонорарной записи редактора: «За № 36 Пуцыковичу 31 р. 35 к.»⁷. Это следующие публикации:

- статья «Реформа духовно-судебной части. II» имеет объем 465 строк. По установленному порядку (3 коп. за строку компиляции, следуя циркуляру издателя⁸) сумма гонорара за нее должна быть 13 р. 95 к.
- статья «Хивинское восстание» 175 строк, если по 3 к. за строку (как за компиляцию) — получается 5 р. 25 к.
- статья «Ночлежный приют в Петербурге» 121 строка по 5 к. (как за оригинальную статью)⁹ — 6 р. 5 к.
- статья «Нечто о журнальном соре» 89 строк по 5 к. (также оригинальная статья) — 4 р. 45 к.

Итого за четыре статьи следовало 29 р. 70 к., но, возможно, за Хиву заплачено больше, по 4 к., т. к. половина статьи не компиляция, но оригинальный текст¹⁰. Тогда насчитанная Достоевским сумма 31 р. 35 к. подтверждает авторство Пуцыковича в отношении указанных четырех статей. Вместе с тем некоторые обстоятельства не позволяют поставить на этом точку.

НОЧЛЕЖНЫЙ ПРИУТ В ПЕТЕРБУРГЕ (Гражданин. 1873. 3 сентября. № 36. С. 984—985, подпись: Из посторонних)

По воспоминанию жены писателя, Достоевский в 1873 году познакомился с Юлией Денисовной Засецкой и «любил бывать» у нее. «Она только что основала тогда первый в Петербурге ночлежный дом (по 2-й роте Измайловского полка), и чрез секретаря редакции “Гражданина” пригласила Федора Михайловича в назначенный день осмотреть устроенное ею убежище для бездомных»¹¹. Очевидно, Достоевский посетил временное помещение приюта по указанному адресу, открытое 25 марта 1873 года и был крайне заинтересован частной инициативой благотворителей. Что подтверждает выданный ему «пропуск» на визитной карточке Ю. Д. Засецкой: «Ф. М. Достоевскому от Председательницы Общества Ночлежных Приютов». Свободный вход в Ночлежный Приют во всякое время дня и ночи»¹². 26 августа 1873 года открылось наконец постоянное, достойно оборудованное помещение приюта для петербургского бездомного люда. Вряд ли мог уклониться от такого события радетьель за всех, кому «некуда пойти».

Исходя из этих соображений, можно предположить, что статью-репортаж «Ночлежный приют в Петербурге» Достоевский заказал Пуцыковичу, а затем отредактировал ее и, судя по всему, вставил оценочные пассажи,

на которые сам Пуцыкович был явно не способен. Такова тонкая ирония, выраженная игрою слов: «“неизвестные” прислали хлеба и полотна <...> а <...> городской голова прислал секретаря думы с письмом». Проглядывает характерный синтаксис Достоевского: «Едва ли не более у нас — чем где бы то ни было», «но чего именно недоставало — так это практического умения взяться за доброе дело». В целом интонация обстоятельной заботливости о «практических» подробностях в высшей степени характерна для Достоевского-журналиста (очевидно, подобного рода задание — собрать нужные факты, даже мельчайшие — и было дано репортеру).

В пользу «присутствия» Достоевского в статье говорит присущая ему авторская пунктуация: необособление причастных оборотов и отказ от запятой в сложносочиненных изъяснительных с союзом *что* (Пуцыкович в своих публикациях, напротив, не жалел запятых в таких случаях). Фактографически-репортажная часть статьи написана по всем правилам пунктуации, чего не скажешь об *оценочных комментариях* («Нельзя было не призадуматься при виде впечатления произведенного задушевыми и сильными словами проповедника на этот люд...»; «Нужно надеяться что в Москве еще в больших размерах и с большими удобствами будет устроен приют...»). Оба примера, равно как и ряд других мест в статье, являют собой образец характерного для Достоевского синтаксиса, в частности, использование безличных конструкций с категорией долженствования. Синтаксис его соавтора более «правильный», кроме того, безоценочность, «сухость» — неперемненные свойства многочисленных «гражданских» публикаций В. Ф. Пуцыковича.

В конце статьи автор проявляет значительный интерес и к делам земледельческой колонии для малолетних преступников (как будто шаг в сторону, но на самом деле попытка общего взгляда на гуманитарную благотворительность в России). Известно, сколь трепетно относился Достоевский к трудной судьбе этой колонии. В январском выпуске «Дневника писателя» 1876 года он писал: «Я давно порывался туда, но не удавалось...» (22; 17).

НЕЧТО О ЖУРНАЛЬНОМ СОРЕ

(Гражданин. 1873. 3 сентября. № 36. С. 985, без подписи)

Статья представляет собою образец полемического жанра антикритики, которым столь блестяще владел редактор «Гражданина». Для атрибуции важно также выявить источник, вызвавший полемическое раздражение анонимного автора. Вряд ли это жалобы, якобы пришедшие в «Гражданин» от подписчиков неаккуратно издающейся газеты «Новости» (это, скорее, лишь повод, да и то явно надуманный). Вот более существенная (хотя и не названная прямо) причина гнева автора «Гражданина».

Фельетонист газеты «Новости» (скорее всего, им был сам редактор Ю. О. Шрейер) 12 августа 1873 года выступил с разоблачением «бранной»

журналистики: «Чего доброго, доживем, пожалуй, до того, что станем печатно переругиваться, как ругаются пьяные мужики, теми непечатными выражениями, которые уже возводит в перл создания г. Достоевский» (так журналист *понял* «маленькую картинку» «Дневника писателя» о народном сквернословии — «Гражданин», 1873, 16 июля; то же: 21; 108—109). Фельетонист «Новостей» объяснил новое веяние погоней журналистов за подписчиками и пустился в морализаторство по адресу коллег: «Всё, следовательно, сводится к одному и тому же знаменателю: деньги, деньги и деньги!! <...> Деньги и литература! Всё это в настоящее время перепуталось так, что даже трудно указать, где кончается одно и начинается другое...». В том же фельетоне был и другой выпад в адрес «Гражданина»: «На словах чтим женщин и кричим с пафосом о женском труде, на деле смотрим на женщин с самой животной точки зрения и смеемся при виде женщины, стремящейся выбиться из-под гнета и жить своим трудом, уверяя в то же время, что женщина создана для одной только любви, что дальше кухни и кормления детей ей нечего нос совать». Так безапелляционно-враждебно, квазилиберально была интерпретирована позиция «Гражданина» по «женскому вопросу».

Через пять дней, 17 августа, в заметке «Опять о журналистике» «Новости» еще яростнее накинулись на «Гражданин», поставив его в ряд консервативных, «всегда покорных властям» «шавок, лающих из-под ворот»: «С недавнего времени в Петербурге возникла еще одна (еженедельная) газета, направляющаяся по вышеуказанным стопам. Но пигмей этот, открывая очень широко свой рот, говорит всегда такие глупости, что заставляет лишь улыбаться. Сначала обратили было на него внимание, но теперь оставляют совершенно в покое. В ней изливается лишь бред горячечных, подобно “Домашней беседе”. Это уже не литература». И вновь объяснение современных журналистских нравов свелось к «обыкновенной конкуренции», «зависти из-за куска хлеба» (этот пассаж и цитируется в статье «Гражданина»).

Итак, редакция «Гражданина» и лично редактор стали объектом «либеральных» подозрений, порочащих не столько даже политически, сколько морально.

Ответ был адекватным, т. е. в том же ключе *argumentum ad hominem*, но по всем правилам риторического наращения:

«...тот самый г-н Шрейер, который еще так недавно приговорен <...> судом <...> за оклеветание...»,

«...этот самый г. Шрейер <...> накинулся <...> на одного известного литератора...»,

«...это тот самый г. Юлий Шрейер, который недавно затеял опять процесс против своих сотрудников...»,

«Это тот самый, наконец, г. Юлий Шрейер, который печатно извинялся перед г. Самойловым...»,

«Одним словом это тот самый г. Шрейер!»

«И вот этот-то г. Шрейер...» (далее цитируется шрейеровский пассаж против аморализма и продажности современной журналистики и непосредственно «Гражданина»).

Наконец, финал, убийственный в свете означенных походов трибунного моралиста: «Это г. Шрейер говорит...» и т. д.

Не только выверенная композиция, но и синтаксис, интонация выдают Достоевского (например: «слишком глупый, будто бы отзыв <...> что случилось, будто бы, без его ведома»; «мы сами уже спросили спрашивающих нас...»).

Заметим, что энергия уничтожающей иронии могла подпитываться и личным впечатлением. 11 июня на заседании 3 отделения окружного суда слушались два дела о печати: редактора «Гражданина» и редактора «Новостей». Достоевский мог воочию наблюдать очередной «подвиг» Шрейера, когда тот пытался переложить на других свою ответственность за публикацию оскорбительных намеков (вычеркнутых цензором!): он, де, редактор, о том не ведал¹³.

Можно предположить, что первоначальную фактографическую канву заметки составил В. Ф. Пуцыкович, а затем ее до блеска довел Достоевский. Его участие в данном тексте представляется гораздо бóльшим, нежели в предыдущем.

Достоевский как автор не подписанных им работ умирал в момент их публикации. Надо ли воскрешать анонима? Этот вопрос встал уже в 1881 году перед издателями первого полного собрания сочинений писателя. Вот как описывала эту ситуацию инициатор издания А. Г. Достоевская: «Одни настаивали на том, чтобы в Полном собрании сочинений появилось все, что когда-либо было написано покойным писателем, подписанное его именем или неподписанное. Другие высказывали мысль, что должны быть отринуты, во-первых, произведения, не подписанные именем Федора Михайловича, а во-вторых, произведения, имевшие злободневный характер, вроде тех полемических статей, которые были написаны им на злобу дня и теперь потеряли всякое значение. <...> В результате вышеупомянутых совещаний было решено: отринуть все статьи, не подписанные Федором Михайловичем <...> как не вполне достоверные...»¹⁴ Со времени той давней дискуссии научно-издательские представления поменялись (хотя споры подобного рода не затухли), и в полных собраниях сочинений находится-таки место для раздела «Dubia», где-то

куее, где-то с размахом. Редакторская работа Достоевского тем не менее не укладывается и в рамки требований к дубильным публикациям: практически нет документальных подтверждений, есть только *предположения*, основанные на косвенных данных и наблюдениях над стилем. И то, и другое в традиционной текстологии однозначно не признается в качестве доказательной базы. См., например, следующее указание: «Очень часто исследователи, приписывающие то или иное произведение какому-либо известному автору, ограничиваются косвенными соображениями, не приводя решающих аргументов. Необходимо прямо сказать, что косвенные соображения, как много бы их ни было, не могут иметь полной силы...» [13, 307—308]. Можно согласиться: «полной силы» такого рода аргументы не имеют, но следует ли отбрасывать аргументы «половинной силы»? Суждения гипотетического свойства имеют право на существование в науке, в случае, если представляет научный интерес предлагаемая система доказательств. Пусть и не документальных, да ведь и сам документ может быть подвергнут сомнению, как в нашем случае гонорарная ведомость. Не мог же редактор включить в нее собственную, пусть даже капитальную, переделку авторских статей, приписывая их себе любимому (не исключено, что существуют и таковые редакторы, но Достоевский не из их числа). В атрибутировании редакторской работы Достоевского не остается иного пути, как построение гипотезы¹⁵.

Творчество Достоевского-редактора сокрыто от нас, как золотые блестки в журнальной «руде».

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта «История русской критики 1830-х — 1890-х годов в контексте национальной и мировой культуры» (№ 13-04-00282а).
- ¹ Страховъ Н. Н. Воспоминанія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ // Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳедора Михайловича Достоевскаго. СПб., 1883. С. 299 (1 пагин.).
- ² Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846—1917 / вступ. ст., подготовка текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М., 2015. С. 305. О переделке Достоевским стихов Л. Папковой см.: [1]. Редакторская критика печатаемых в «Гражданине» стихов доходила до их переделки и в других случаях.
- ³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 262. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках.
- ⁴ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 255. Ср.: Тимофеева В. В. (О. Починковская). Год работы с знаменитым писателем // Там же. С. 157.
- ⁵ Письмо В. Ф. Пуцыковича — Ф. М. Достоевскому 2 (12) августа 1879 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29828. Л. 140 об.

- ⁶ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. СПб., 1994. Т. 2. С. 447.
- ⁷ [Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1872—1875 гг.] // Литературное наследство. М., 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский. С. 308.
- ⁸ Письмо В. П. Меццерского — Ф. М. Достоевскому 1 июля 1873 г. // НИОР РГБ. Ф. 93. П.6.77. Л. 7 об.
- ⁹ По тому же циркуляру издателя (см. примеч. 8).
- ¹⁰ О статье «Хивинское восстание» (также коллективной) должен быть отдельный разговор, который я откладываю до другого раза, т. к. необходимо рассмотреть всю серию статей «Гражданина» о труднейшей экспедиции русской армии и о замирении Хивинского ханства.
- ¹¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 309.
- ¹² Засецкая Ю. Д. Письмо и записка на визитной карточке Достоевскому Ф. М. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29718. Л. 3—3 об.
- ¹³ См.: Петербургская хроника // Голос. 1873. 13 июня.
- ¹⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 484—485.
- ¹⁵ Первую попытку такого рода представляет статья В. В. Виноградова «И. С. Генслер и Ф. М. Достоевский — редактор “Гаванских сцен”». См.: [5]. Заявив тему, В. В. Виноградов к ней больше не возвращался, увлекшись атрибуцией персональных текстов Достоевского см.: [6]. Здесь продолжены гипотетические атрибуции Достоевского, собранные в книге ученого: Проблемы авторства и теория стилей. См.: [4]. Некоторые итоги деятельности в этом направлении петрозаводской текстологической школы см.: [7], [8], [9], [10], [11]. См. также: [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Битюгова, И. А. Достоевский — редактор стихотворений в «Гражданине» / И. А. Битюгова // Достоевский. Материалы и исследования. — Ленинград : Наука, 1985. — Вып. 6. — С. 241—250.
2. Викторovich, В. А. Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского» / В. А. Викторovich // Лица : Биографический альманах. — Москва ; Санкт-Петербург, 1994. — [Вып.] 4. — С. 83—84.
3. Викторovich, В. А. Достоевский в Обществе любителей духовного просвещения / А. В. Викторovich // Достоевский и мировая культура : Альманах № 20. — Санкт-Петербург ; Москва, 2004. — С. 16—18.
4. Виноградов, В. В. Проблемы авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. — Москва : Художественная литература, 1961. — 612 с.
5. Виноградов, В. В. И. С. Генслер и Ф. М. Достоевский — редактор «Гаванских сцен» / В. В. Виноградов // Русская литература. — 1964. — № 2. — С. 71—91.
6. Виноградов, В. В. Из анонимного фельетонного наследия Достоевского / В. В. Виноградов // Исследования по поэтике и стилистике. — Ленинград, 1972. — С. 192—198.
7. Захаров, В. Н. Гениальный фельетонист / В. Н. Захаров // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : канонические тексты. — Т. 4. — Петрозаводск, 2004. — С. 801—822.
8. Захаров, В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» / В. Н. Захаров // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : канонические тексты. — Т. 5. — Петрозаводск, 2004. — С. 695—712.

9. Захаров, В. Н. Триумф анонимного автора / В. Н. Захаров // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 18 т. — Москва, 2004. — Т. 4. — С. 501—513.
10. Захаров, В. Н. Вопрос об А. С. Хомякове в журнале братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» / В. Н. Захаров // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист : Сб. науч. тр. — Москва, 2007. — Т. 1. — С. 305—320.
11. Захаров, В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества / В. Н. Захаров. — Москва : Индрик, 2013. — 456 с.
12. Зохраб, И. Попытка установления вклада Достоевского в редактирование статей сотрудников газеты-журнала «Гражданин» с учетом цензуры того времени. Постановка проблемы / И. Зохраб // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. — Санкт-Петербург, 2013. (Dostoevsky Monographs; вып. 4). — С. 164—169.
13. Лихачев, Д. С. Текстология / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Наука, 1983. — 630 с.
14. Орнатская, Т. И. Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860 — 1865 гг.) / Т. И. Орнатская // Достоевский. Материалы и исследования. — Ленинград, 1988. — Т. VIII. — С. 247—262.

Дата поступления в редакцию: 17.10.2015